

его II веком, немного спустя после смерти Юстина. В нем уже можно обнаружить идею (гл. V—VI), которая вскоре станет основополагающей у Августина, идею о Царстве Небесном внутри земных отечеств, животворящем их изнутри вместо того, чтобы отрицать: «Христиане не отличаются от других людей ни землей, на которой они живут, ни языком, ни обычаями. Они не живут в своих собственных городах, не говорят на собственном наречии, не ведут какого-то особенного образа жизни. Ибо учение, которому они следуют, им открылось не в раздумьях или хитроумии ученых людей и они не ссылаются, подобно некоторым, на человеческие измышления. Живя в греческих или варварских городах так, как выпало на их долю, они сообразуются с их внешними обычаями в пище, одежде и во всем, что касается повседневной жизни, но при этом проявляют все то чудесное и парадоксальное, что содержится в устройстве их сообщества. Ибо они живут на своей родине, будто переселенные чужеземцы; они во всем участвуют, как граждане, и остаются в стороне от всего, как иностранцы. Любая чужая страна — их родина, и любая родина — чужбина... Коротко говоря, христиане в мире — то же самое, что душа в теле. Душа распространяется по всем членам тела, и христиане распространились по всем городам мира. Душа обитает в теле, и, однако, она не тело; так и христиане живут в мире, но они не от мира». Так, с самого начала оказавшись в Империи, которая ее отвергала, Церковь

как бы отделила себя в своей сущностной духовности, требуя для себя только функций души, которая бы оживляла тело государства. Положение христиан в Империи стало совершенно иным после обращения Константина. Какими бы мотивами оно ни было продиктовано — историки спорят об этом до сих пор, — его следствием стало превращение церковной иерархии в сословие, влияние которого в государстве вскоре стало весьма значительным, а иногда преобладающим. Как христианин ей подчинился сам император, и это явствует, например, из той решительности, с которой св. Амвросий выговаривал Феодосию после побоища, устроенного им в Фессалониках в 390 г. С этого момента епископы дают ясно понять, что Империя тесно связана с Церковью и что верность одной переплетается с верностью другой. Амвросий говорит о Церкви как о главе Римского мира: «*totius orbis Romani caput Romanam Ecclesiam*» (Epist, XI, 4) — и заявляет, что поскольку Сам Бог пожелал этого по Своей справедливости, там, где арианская ересь повредила веру в Бога, частично повреждена и вера в Империю: «*ut ibi primum fides Romano imperio frangeretur, ubi fracta est Deo*»* (De fide, II, 16). Это то время, когда в заслуженно широко известном фрагменте из поэмы «Против Симмаха» (II, 578—636) поэт Пруденций изображает господство Рима как промысленное Богом, чтобы соединить народы под одним законом в ожидании момента, когда Христос соединит их в одной вере:

*En ades, Omnipotens, concordibus influe terns!
Jam mundus te, Christe, capit, quem congrege
nexus Pax et Roma tenent *** .

Этому первому мечтанию, за которым последовали многие подобные ему, вскоре пришел конец, как приходит конец всему. Под Церковью больше нет погибших империй. В 410 г. готы под предводительством Алариха захватили и разграбили Рим. Нам трудно вообразить значение этой катастрофы, ибо,

127 4. Церковь и общество

Тав таковой для Империи, она могла стать катастрофой и для Церкви. Со времени обращения Константина язычники не переставали предсказывать, что отказ от римских богов приведет к гибели Рима; христиане, наоборот, утверждали, что процветание Империи отныне связано с процветанием Церкви — и вот, Империя в руинах! Какой триумф для